

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА

РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ

Моск. Кн-изд. № 80

„ОБРАЗОВАТЕ“

МОСКВА.

2004175111

915262'43

МОСКВА. — 1911.

Типография Русского Товарищества. Чистые пруды, Мыльниковъ п., с. д.

Телефонъ 18-35.

Очеркъ ординарнаго профессора Императорской Николаевской Военной Академіи, генер. штаба полковника А. К. Баіова.

I. Общая характеристика Императора Павла I.

Почти никогда переменна на Русскомъ Престолѣ не вела за собой такихъ измѣненій въ жизни русской арміи, какъ послѣдовавшее 6-го ноября 1796 г. восшествіе на Престолъ Императора Павла I.

Умственный и нравственный складъ Павла I, въ связи съ обстоятельствами его жизни до восшествія на Престолъ, обуславливали какъ рѣзкость перемены направленія, такъ и характеръ новаго курса.

Умственный и нравственный складъ Павла I вытекалъ прежде всего изъ условій его рожденія, весьма мѣтко опредѣленныхъ профессоромъ П. И. Ковалевскимъ: онъ былъ сыномъ Петра III, который отличался хилостью тѣла и слабостью духа, представляя значительную душевную неуравновѣшенность, неустойчивость и преобладаніе низшихъ страстей надъ высокими умственными интересами. Напротивъ, мать его, Екатерина II, была женщина, несомнѣнно физически мощная и умственно гениальная.

Такое сочетаніе свойствъ родителей имѣло послѣдствіемъ то, что Павелъ, по закону наслѣдственности, получилъ натуру отца, значительно смягченную духовными качествами матери.

Всѣ старанія воспитателей Павла, Порошина, гр. Панина, еп. Платона были направлены къ тому, чтобы подавить въ Павлѣ,

насколько это было возможно, проявления тѣхъ влеченій, страстей и недостатковъ, которые такъ явно и такъ рѣзко выражались въ отцѣ его, Петрѣ III. Если они и не успѣли искоренить всего, то во всякомъ случаѣ значительно смягчили и исправили многое.

Что касается отношеній Павла къ его матери, то прежде всего нужно отмѣтить, что Павлу съ первыхъ же дней его жизни были чужды материнская любовь, нѣжность и забота. Это повлекло за собой въ послѣдствіи отчужденность, а съ теченіемъ времени—даже враждебность къ матери.

Несомнѣнно также, что государственный переворотъ 1762 г. не прошелъ безслѣдно для семилѣтняго Павла. Очевидно, что смерть отца, въ связи съ предшествовавшими тревожными днями, оставила въ душѣ Павла слѣдъ на всю жизнь. «Между матерью, не любившей сына Петра отъ рожденія, и сыномъ лежала глубокая пропасть».

Павелъ въ дѣтствѣ не имѣлъ сверстниковъ, жилъ и развивался одинокимъ; у него развилась фантазія, и онъ жилъ образами этой фантазіи, какъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Павла мало-по-малу стали развиваться по отношенію къ людямъ, особенно близко стоявшимъ къ нему, крайняя подозрительность, недовѣріе и мнительность.

Неудачная первая женитьба только способствовала развитію въ Павлѣ раздражительности, впечатлительности, подозрительности и рѣзкости въ обхожденіи съ людьми.

Въ 1774 г. цесаревичъ Павелъ представилъ императрицѣ записку подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для засчиты онаго и касательно обороны всѣхъ предѣловъ».

Эта записка представляла собой не что иное, какъ жестокую критику царствованія, начавшагося въ 1762 г. Екатерина, руководившая прежде всего интересами государства и признававшая въ данномъ случаѣ невозможнымъ переубѣдить сына, окончательно рѣшила устранить его отъ дѣлъ.

По смерти первой жены, Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, Павелъ отправился за границу искать себѣ другую супругу. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Берлинъ поклониться своему кумиру, Фридриху Великому.

Поѣздка въ Берлинъ имѣла слѣдствіемъ еще болѣе большой разладъ между матерью и сыномъ.

Вскорѣ Павелъ женился на принцессѣ Виртембергской, принявшей имя Маріи Ѣеодоровны. Благодаря личнымъ качествамъ Великой Княгини, между Павломъ и Екатериной отношенія значительно улучшились, но рожденіе у Великокняжеской четы сыновей, Александра и Константина, вновь повлекло за собой обостреніе этихъ отношеній, такъ какъ Екатерина взяла на себя

воспитаніе внуковъ и вела ихъ по своему усмотрѣнію, а не такъ, какъ хотѣлъ этого Павелъ.

Второе путешествіе въ Европу также не осталось безъ вліянія на впечатлительнаго Великаго Князя. Къ воспріятому имъ потсдамскому идеалу присоединились еще и версальскія воспоминанія. вмѣстѣ съ тѣмъ, Цесаревичъ пропитался въ высшей степени аристократическими идеями и вкусами какъ разъ тогда, когда они стали отживать свое время въ Европѣ. Въ конечномъ результатѣ вторая заграничная поѣздка развила въ немъ въ еще большей степени стремленіе къ тому именно, чего Екатерина не могла ему предоставить: къ неограниченной власти.

Чтобы какъ-нибудь занять по природѣ дѣятельную натуру Павла, жаждавшаго дѣла и власти, Екатерина подарила ему Гатчину. Павелъ съ жаромъ принялся за ея устройство. Оставшись въ тиши, погруженный въ себя, онъ переживалъ все прошлое и создавалъ планы на будущее, имѣя въ виду круто и радикально перевернуть все то, что существовало теперь. При этомъ Великій Князь не стѣснялся открыто высказывать недовольство окружающимъ и свои мнѣнія насчетъ современнаго управленія государствомъ и дѣяній Императрицы.

Въ 1793 г. женился сынъ Павла, Александръ. Это радостное событіе для отца было тягостно для Павла. Опасность лишиться Престола усилилась. Павелъ сталъ проявлять крайнюю несдержанность. Гнѣвъ его противъ Императрицы дошелъ до того, что сначала онъ не хотѣлъ даже присутствовать при бракосочетаніи сына. Все это заставило Екатерину сильно призадуматься, и она, ссылаясь на нервы и неспособность Павла, рѣшила устранить его отъ Престола и передать Престолъ старшему сыну его, Александру. Но вскорѣ наступившая кратковременная болѣзнь Императрицы свела въ могилу Великую Екатерину, и 6-го ноября 1796 г. Павелъ сталъ Русскимъ Императоромъ, получилъ то, чего онъ такъ болѣзненно ждалъ въ теченіе свыше 30 лѣтъ — неограниченную власть, въ дальнѣйшемъ послужившую новымъ источникомъ его странностей и бѣдствій для Россіи.

Очевидно, что на военныхъ преобразованіяхъ Павла должны были отразиться изложенныя особенности его характера. Но при разсмотрѣніи военныхъ реформъ Павла необходимо обратить еще вниманіе на одну существенную черту его характера, а именно: на его страсть къ военному дѣлу, его милитаризмъ, который, однако, по тѣмъ или другимъ причинамъ, получилъ весьма одностороннее направленіе. Для насъ это тѣмъ болѣе важно, что направленіе это порывало со славнымъ прошлымъ нашей арміи, порывало съ завѣтами Петра I и Екатерины II, порывало съ основами русскаго военнаго искусства, покоившагося на глубокомъ пониманіи нашими полководцами природы войны, значенія